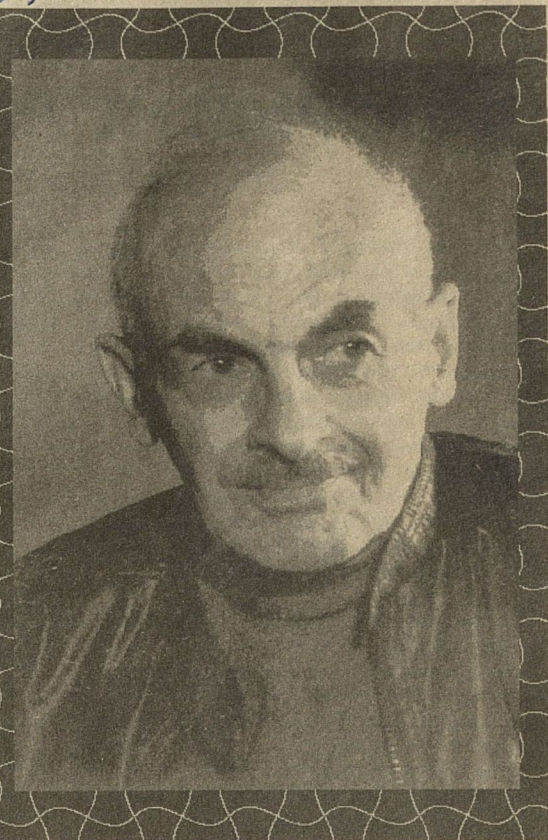

МОИ ПОЭТЫ:

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Когда пишешь о Булате Окуджаве, самое сложное — не смотреть на него, как на икону. Вроде бы не вчера познакомились, тридцать лет на «ты», кофе пили из одного кофейника, вино из одной бутылки. Когда-то обоих впервые выпустили за рубеж в одной туристской группе, в широкий загадочный мир, в желанную Европу — в Польшу! С тех пор осталось воспоминание — варшавский вокзал, наша робкая толпа, пересчет по головам, суматошный крик старосты: — А вещи где?!

И ответ:

— Вещи Окуджава сторожит...

Короче, человек как человек, вон, и чемодан мой караулил. Но в то же время... Конечно, расставлять по рангам нынешних стихотворцев дело потомков, но как уйти от уверенности, что именно Булату Окуджаве придется когда-нибудь представлять нашу эпоху, как Лермонтову или Блоку свою? Согласен, это лишь мое предположение. Но есть и кое-что пообъективней: вряд ли в истории российской словесности найдется поэт, столь же популярный и столь же любимый при жизни. Аплодируют многим — но когда на сцену выходит Окуджава, зал встает.

Конечно, многое тут совпало. И биография юного солдата, потом провинциального учителя, потом скромного городского интеллигента. И то, что отца расстреляли, а мать сидела. И то, что в жилах московского мальчика смешались грузинская и армянская кровь — словно бы все беды и драмы совковой реальности сошлись в одной точке. И самый доходчивый поэтический жанр — авторская песня. И эпоха магнитофонов, позволявшая автору идти до миллио-нов мимо неизбежной в те годы цензуры (помню анекдотическую историю — секретарь ЦК по идеологии жаловался, что дома невозможно работать, внук притаскивает из школы и все ве-

чера крутит записи Окуджавы).

Но давно прошла мода, забыта цензура, печатается все, что пишется, было бы кому платить, звучат все шлягеры, от религиозных до матерных. А с Окуджавой по-прежнему: выходит на сцену — зал встает.

Талант? Это вне сомнения, причем очень крупный и удивительно разносторонний — прекрасные стихи, прекрасные мелодии, неповторимая манера петь, а потянуло на историю, и практически сразу пошла глубокая, загадочная, почти совершенная проза.

Но даже из очень талантливых Окуджаву нечто выделяет. На мой взгляд, вот что: многолетняя, цельная, предельно органичная проповедь добра. «Господи, дай же ты каждому, чего у него нет», молится герой

Окуджавы. А дальше — конкретика: «Дай рвущемуся к власти навластвовать властью», «Трусливому дай коня», «Каину дай раскаянье» — понимание и прощение такого уровня уже за пределами даже очень сильной одаренности. Говорят, Окуджава идет от Вертинского. В чем-то — может быть. Но куда больше от «Нового завета». «Давайте жить, во всем друг другу потакать, тем более, что жизнь короткая такая» — это ведь целая жизненная философия. И опять вспоминается великий старинный первоисточник.

В богатейшей русской поэзии мне трудно найти заметного стихотворца, у которого было бы так мало злых стихов. У Окуджавы их какой-нибудь десяток, и почти все посвящены одному негодю, убийце отца и тюрем-

щику матери, усатому палачу. Это не лучшие вещи, видно, просто боль требовала выхода.

Когда говорят, что в наше время нет любви, я мало верю в это. Хотя бы потому, что нынешняя молодежь выросла под песни Окуджавы. А если совсем юные дичают без любви, значит, надо чаще по радио и по телеку давать Окуджаву. «Вы в глаза ее взгляните, как в спасение свое». Уже и диктатуры нет, свободы навалом — а спасение там же, где было при Хрущеве и Брежнев.

Мне повезло — я услышал Булата, когда он только начинал: знакомая девочка взяла на вечер в издательство, где набиралась моя первая книжка. С приятелем, знавшим Окуджаву по общему литобъединению «Магистраль», подошли к поэту.

Приятели похвалили, но со вздохом.

— Это здорово, но тебя поймут сто человек в Москве.

Я же произнес убежденно:

— Через три года это будет петь вся страна.

Я ошибся лишь во времени — вся страна запела Булата через полтора года...

Американцы повторяют, как заклинание: Бог любит Америку. Наверное, правы. Но я уверен, что Бог любит и Россию, даже когда мы того не стоим, — ведь со времен Державина, какая бы сволочь ни правила страной, Россия ни дня не оставалась без поэта. Даже при палаче всех времен и народов еще писал Пастернак и уже писал Окуджава.

Леонид ЖУКОВИЦКИЙ.
Фото Н. КОЧНЕВА.

ПЕСЕНКА О ПЕХОТЕ

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землей бушует весна.
И шагом неверным
по лестничке шаткой, спасения нет...

Лишь белые вербы,
как белые сестры, глядят тебе
вслед.

Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льет.
Не верьте пехоте,
когда она brave песни поет.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни со смертью
еще не окончены счета свои.

Нас время учило:
живи по-походному, дверь отворяй...
Товарищ мужчина,
а все же заманчива должность твоя:

всегда ты в походе,
и только одно отрывает от сна:
чего ж мы уходим,
когда над землей бушует весна?
Куда ж мы уходим,
когда над землей бушует весна?..

Мне надо на кого-нибудь молиться,
подумайте — простому муравью
кому-то надо в ноженьки вальсировать,
поверить в очарованность свою...

И муравья тогда покой покинул,
все показалось будничным ему.
И муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.

И в день седьмой, в какое-то мгновение
она явилась средь ночных огней,

без всякого небесного знаменья.
Пальтишко было легкое на ней...

И он забыл все горести и муки,
и двери отворил в свое жилье,
и целовал обветренные руки
и старенькие туфельки ее...

И тени их качались на пороге,
безмолвный разговор они вели,
красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли...

Я ПИШУ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В склянке темного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.
Исторический роман
сочинял я понемногу,
пробиваясь как в туман
от пролога к эпилогу.

Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.
В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Вымысел — не есть обман.
Замысел — еще не точка.
Дайте дописать роман
до последнего листочка.
И пока еще жива
роза красная в бутылке,
дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке:

каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...
Так природа захотела.

Почему?
Не наше дело,
Для чего?
Не нам судить.

ПОЖЕЛАНИЯ ДРУЗЬЯМ

Давайте восклицать, друг другом
восхищаться.
Высокопарных слов не стоит
опасаться.
Давайте говорить друг другу
комплименты —
Ведь это все любви счастливые
моменты.

Давайте горевать и плакать
откровенно,
то вместе, то поврозь, а то
попеременно.
Не нужно придавать значения
злословью —
Поскольку грусть всегда
соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с
полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не
ошибиться снова.
Давайте жить во всем друг другу
потакая,
тем более что жизнь короткая
такая.
1975.

Тьмою здесь все занавешено
и тишина, как на дне...
Ваше величество женщина,
да неужели — ко мне?

Тусклое здесь электричество,
с крыши сочится вода.
Женщина, ваше величество,
как вы решились сюда?

О, ваш приход, — как пожарище.
Дымно, и трудно дышать...
Ну, заходите, пожалуйста.

Что ж на пороге стоять?

Кто вы такая? Откуда вы?!

Ах, я смешной человек...

Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Еще он не шит, твой наряд
подвенечный,
И хор в нашу честь не споет...
А время торопит, — возница
беспечный, —
и просятся кони в полет.

Ах, только бы тройка не сбилась
бы с круга,
не смолк бубенец под дугой...
Две вечных подруги — любовь и
разлука —
не ходят одна без другой.

Мы сами раскрыли ворота, мы сами
счастливую тройку впрягли,
и вот уже что-то сияет пред нами,
но что-то погасло вдали.

Святая наука — расслышать друг
друга
сквозь ветер, на все времена...
Две страницы вечных — любовь и
разлука —
поделится с нами сполна.

Чем дольше живем мы, тем годы
короче,
тем слаще друзей голоса.
Ах, только б не смолк под дугой
колокольчик,
глаза бы глядели в глаза.

То берег — то море, то солнце —
то вьюга,
то ангелы — то воронье...
Две вечных дороги — любовь и
разлука —
проходят сквозь сердце мое.
1982.